

А.Р. Кугель

Без заглавия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Р. Кугель**
Без заглавия / А.Р. Кугель – М.: Книга по Требованию, 2017. – 280 с.

ISBN 978-5-518-01769-6

ISBN 978-5-518-01769-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

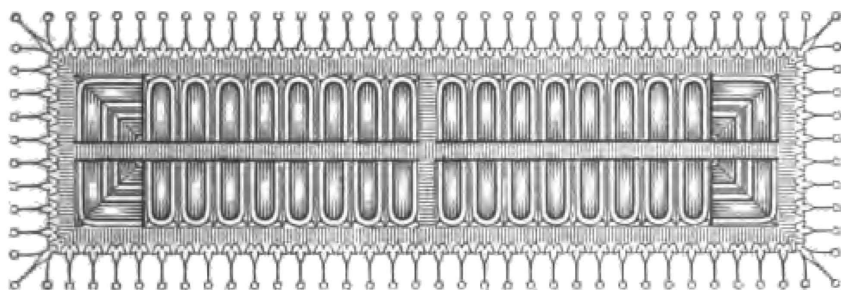
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ртъ автора.

Предлагаемая книжка составлена изъ нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ въ 1888 г. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ подъ однимъ общимъ названіемъ „Молодое поколѣніе“, и изъ разнохарактерныхъ небольшихъ „статей-хроникъ“,—употребляя французскій терминъ,—печатавшихся, главнымъ образомъ, на страницахъ „Петербургской Газеты“. Рѣшившись издать нѣкоторыя статьи отдѣльною книжкою, я оставилъ ихъ, за исключеніемъ немногихъ стилистическихъ поправокъ, почти въ нетронутомъ видѣ, полагая, правильно или неправильно—объ этомъ предоставляю судить читателямъ,—что переработка такихъ статей въ книжномъ духѣ поведетъ только къ утратѣ ими своей

индивидуальной фѣзіономіи, и все таки въ концѣ концовъ, не дастъ ни монографій, ни ивслѣдованій.

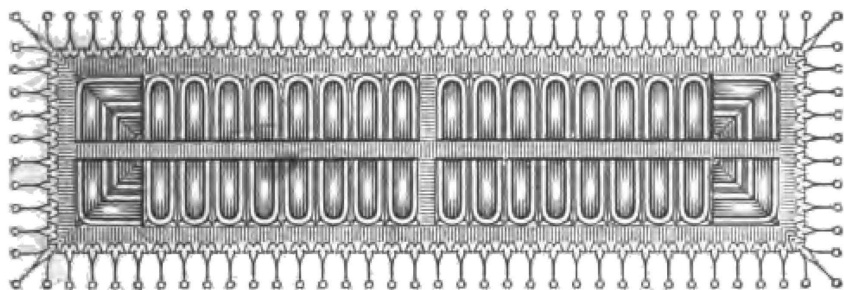
Большая часть статей написана либо по поводу какого нибудь факта или явленія общественной жизни, либо подъ ихъ вліяніемъ. Читая статьи всѣ вмѣстѣ, за одно, придирчивый читатель, быть можетъ, усмотритъ мѣстами противорѣчія, мѣстами увлеченіе, мѣстами черезъ чуръ крайнюю и соглашающуюся заранѣе,—парадоксальную постановку вопроса. Такихъ читателей я прошу помнить, что журнальная дѣятельность имѣетъ свои особыя условія и отвѣчаетъ совсѣмъ особымъ требованіямъ. Не могу удержаться, чтобы не привести изъ предисловія къ сборнику „хроникъ“ извѣстнаго французскаго публициста и хроникера, Анри Фукье, „Paradoxes Féminins“ нѣсколькихъ строкъ, рисующихъ, по моему, весьма вѣрно сущность журнальнаго творчества. „Главная заслуга, которою я дорожу всего болѣе, пишетъ Фукье,—это искренность впечатлѣній. Эта искренность доходитъ у журналистовъ, не замыкающихся въ тѣсномъ кружкѣ какой либо партіи, до того, что они выска-

зываютъ о совершенно аналогичныхъ вопросахъ если не противорѣчивые, то во всякомъ случаѣ, довольно разнообразныя и разнохарактерныя взгляды. Я говорю это съ полною откровенностью, потому что мы обязаны не столько находить окончательное рѣшеніе для жизненныхъ проблемъ, сколько выдвигать ихъ на очередь, на глаза общественнаго мнѣнія, освѣщая ихъ съ разныхъ сторонъ и разныхъ точекъ зрѣнія“.

Въ предѣлахъ такой скромной задачи я и предлагаю судить меня читателямъ.

А. К.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

По поводу появленія Росси въ роли Макбета, коегдѣ въ рецензіяхъ затронули и лэди Макбетъ. Артисткою, игравшею роль лэди Макбетъ, рецензенты въ большинствѣ остались недовольны, найдя сценическій образъ, созданный ею, черезъ чуръ мелодраматичнымъ. Въ одной газетѣ припомнили Ристори, игравшую когда то эту роль у насъ. Но кажется, и Ристори впадала въ такой же мелодраматизмъ. По крайней мѣрѣ, извѣстный переводчикъ «Макбета», Устряловъ, высказывается въ томъ смыслѣ, что Ристори создала величественный образъ, но это былъ образъ средневѣковой Фредегонды или античной Медузы, а никакъ не лэди Макбетъ. Лэди Макбетъ—глубочайшій женскій образъ, и выше его Шекспиръ не поднимался ни въ одной изъ своихъ пьесъ. Онъ не только глубокъ, этотъ образъ,— онъ универсаленъ. Такихъ универсальныхъ типовъ у Шекспира, можетъ быть, и есть всего два: одинъ муж-

ской—Гамлетъ, другой женскій—лэди Макбетъ. Каждый изъ насъ, мужчинъ, до извѣстной степени *«гамлетизированъ»*, и каждая представительница прекраснаго пола въ свою очередь до извѣстной степени—да простится мнѣ это новое слово — *«макбетизирована»*. Я живо представляю себѣ обликъ лэди Макбетъ. Ее нельзя изображать ни въ одной изъ крайнихъ формъ; ни въ формѣ черезъ чуръ мужественной женщины, напоминающей амазонку Дагомейскаго короля, ни въ формѣ безплотнаго, хрупкаго, легкаго, какъ зефиръ, женскаго образа, созданнаго мечтою художника-романтика. Ее нужно изображать соотвѣтственно тому, какъ принято у лучшихъ актеровъ изображать Гамлета — въ срединномъ родѣ, не вульгарною и не возвышенною, не толстою и не худою, не въ строгомъ пеплумѣ матроны, но и не въ вѣнкѣ изъ розъ. Лэди Макбетъ—просто женщина. Если вы видали Тиціановскихъ венеціанокъ, то вамъ не трудно представить себѣ этотъ образъ. Красивая женщина, съ золотистыми волосами, съ упругимъ тѣломъ, отсвѣчивающимъ розовымъ отливомъ, съ широкими, немного страстными и немного наглыми глазами, съ характернымъ абрисомъ рта, одинаково способна какъ на слова безотчетнаго упоенья, такъ и на грубую рѣчь невзнузданнаго животнаго эгоизма — вотъ что такое лэди Макбетъ.

«Быть или не быть?» говоримъ мы, мужчины, потому что мы всё немного Гамлеты. «Быть!» отвѣчаетъ женщина, не заходя далеко въ анализъ своихъ ощущеній. «Быть!» повторяетъ она, — быть во что-бы то ни стало, и цѣною чего-бы то ни было. Когда ея мужа терзають видѣнія — что приходитъ прежде всего ей на умъ? Слово утѣшенія? Слово раскаянія? Душевной муки? Наконецъ, просто злобы? Ни мало. Лэди Макбетъ заботится о впечатлѣннн, произведенномъ на окружающихъ поведеніемъ ея супруга. Даже въ сценѣ сумасшествія, лэди Макбетъ остается вѣрна сама себѣ. Она не потому сошла съ ума, что ее терзаетъ, мучаетъ, подавляетъ тяжесть грѣха, проступка, а только потому, что она не можетъ справиться съ *фактомъ*. Да, фактъ, это маленькое красное пятно на рукѣ — вотъ что сводитъ ее съ ума, ибо онъ у всѣхъ на виду. Но то, что называется квалификацію факта, для нея совершенно безразлично. Это просто инстинктъ существованія, и въ этомъ инстинктѣ вся натура лэди Макбетъ и можетъ быть, вся натура женщины.

*
* * *

Возьмите любую житейскую трагедію изъ тѣхъ, что совершаются у насъ подъ носомъ и которыя мы обходимъ презрительнымъ молчаніемъ. Мужъ — слабо-

вольная, нервная натура, склонная скорѣе къ мечтательному прекраснодушію, чѣмъ къ грубому житейскому дѣлу. Во всякомъ случаѣ, онъ далекъ отъ цѣльности, и если у него и есть желанія, не всегда согласныя со строгою моралью, то за то, подобно Макбету, онъ не имѣетъ «шпоръ, чтобы колоть ихъ бока». Что побѣдило-бы въ немъ—мы не знаемъ, но весьма возможно, что онъ провелъ-бы весь вѣкъ надъ своимъ маленькимъ дѣломъ и сохранилъ-бы въ нетронutomъ видѣ и свои юношескіе идеалы, и хорошія слова, и протестующую горячность неиспорченнаго сердца. Но онъ—женатъ. Жена—это тѣ шпоры, которыхъ ему не хватало для волновавшихъ его желаній. Мы всё знаемъ эти домашнія картинки. Лэди Макбетъ нужна дача, не какая-нибудь дача, а не хуже другихъ; лэди Макбетъ нужна шляпка, опять таки не какая-нибудь, а непременно модель изъ Парижа; лэди Макбетъ нужно общественное положеніе, и не просто положеніе, а непременно «достойное» лорда Макбета. Всѣ эти «нужно» умная лэди Макбетъ никогда не поставитъ въ качество ультиматума. Она ничего не требуетъ, она такъ, слегка дразнить воображеніе, и неслышно, почти нечувствительно посылываетъ «бока желаній». Разливаетъ супъ, и вдругъ задумается, такъ что супъ совершенно остынетъ. Выложить старую шляпку, и долго, мучительно долго станетъ возиться съ лентами.

Разговорится о знакомыхъ, и очень убѣдительно будетъ распространяться о томъ, что многіе взысканы судьбою совѣмъ не по заслугамъ, тогда какъ другіе, одаренные, талантливые, способные, принуждены влечить жалкое существованіе. Капля по каплѣ, на душѣ у лорда Макбета скопляется такая бездна горечи, что въ ней окончательно тонуть и завѣты юности, надъ которыми онъ дрожалъ, и высокія слова, которымъ онъ жарко молился. И наконецъ, его судьба рѣшается. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и предъ вами Макбетъ лысый, Макбетъ толстый, Макбетъ съ измочаленными нервами, съ геморроемъ и одышкою, и безъ всякаго признака душевнаго равновѣсія.

Процессъ пиленія и, если можно такъ выразиться, окисленія своего супруга, лэди Макбетъ рѣдко производитъ сознательно. Это просто вытекаетъ изъ ея природы. Когда вопросъ ставится такимъ образомъ, что на одной сторонѣ бѣдность и неизвѣстность, а на другой—богатство и слава, для трехъ четвертей женщинъ не можетъ даже возникнуть мысль о выборѣ. Совѣсть куда-то улетучивается. Прислушайтесь къ тому, что говоритъ лэди Макбетъ въ концѣ перваго акта, когда она уговариваетъ мужа убить Дункана. Мужъ и жена объясняются на разныхъ языкахъ. У него на языкѣ вертятся отвлеченныя понятія: добродѣтель, гостеприимство, предательство, низость. У нея все время

голыя понятія выгоды, пользы, благополучія. Она не то что презираетъ такія понятія, какъ совѣсть или честь, — она ихъ просто не знаетъ, не замѣчаетъ, какъ человѣкъ съ насморкомъ не замѣчаетъ и не чувствуетъ самыхъ сильныхъ духовъ.

Переройте всего Шекспира, и вы не найдете болѣе чудовищнаго мужскаго образа, чѣмъ Ричардъ III. Но что такое, въ концѣ концовъ, Ричардъ III? Глубокій пессимистъ. Все его злодѣйство — результатъ сознательнаго презрѣнія къ человѣчеству.

Была-ль когда такъ женщина добыта,
 Была-ль когда такъ ведена любовь?

Здѣсь чувствуется демонизмъ, а не просто злодѣйство, демонизмъ, который выше грѣха или преступленія, а не ниже его. И если потомъ Ричарда III терзаютъ видѣнія, такъ это потому, что его міровоззрѣніе дало трещину, и на сцену выступило угрызеніе совѣсти въ реальной формѣ кроваваго призрака. Только женщина способна не видѣть тѣни Бавба. Для этого ей не нужно вовсе прибѣгать ни къ пессимизму, ни къ философій отрицанія. Съ нея довольно оставаться женщиною до конца...

* *
 *

Набрасывая эти строки, я думалъ о томъ, что если онѣ случайно попадутъ на глаза г. Плеваго, то